

ОДУШЕВЛЕННОСТЬ И МАРКИРОВАНИЕ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В БАРТАНГСКОМ ЯЗЫКЕ

О.И. Беляев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт языкознания РАН, Москва; Россия; belyaev@ossetic-studies.org

Аннотация: Бартагский язык — один из немногих языков шугнано-рушанской группы (памирский ареал, восточноиранские > индоевропейские), в которых широко распространено дифференцированное маркирование прямого дополнения с помощью предлога *аз*. В основном этот предлог используется со структурно ограниченным классом именных групп: именами собственными, местоимениями, именными группами с демонстративом. Также засвидетельствованы употребления с формально немаркированными именами, не являющимися именами собственными, однако обладающими локальной уникальностью в рамках текста (например, протагонисты сказок). Однако не все употребления показателя *аз* можно объяснить подобным образом. Дополнения, не имеющие указанных выше признаков, могут маркироваться предлогом *аз* в случае, если они являются одушевленными, причем степень приемлемости выше для людей, чем для животных. Несмотря на приемлемость такого маркирования, оно является очень редким как в естественных текстах, так и при переводе с русского, английского и таджикского языков. Таким образом, следует выяснить, какой дополнительный фактор определяет возможность использования *аз* в таких случаях. В настоящей работе проводится проверка гипотезы о том, что на маркирование прямого дополнения влияет *относительное* расположение ядерных актантов — подлежащего и прямого дополнения — на иерархии одушевленности. Поскольку проведение полноценного экспериментального исследования для такого миноритарного языка, как бартагский, в настоящий момент не представляется возможным, мною был проведен неформальный опрос пяти носителей, в рамках которого им предлагалось перевести предложения, включающие все комбинации значений одушевленности (люди / животные / неодушевленные предметы) подлежащего и прямого объекта. Гипотеза подтвердилась лишь частично: неодушевленные объекты маркируются значимо реже одушевленных; в клаузах, где одушевленность подлежащего меньше или равна одушевленности прямого дополнения, *аз* используется значимо чаще, чем в обратной конфигурации. Однако, если исключить из рассмотрения клаузы с неодушевленными объектами (отсутствие маркирования которых предсказывается более простой гипотезой), эффект относительной одушевленности оказывается статистически слабым. При этом некоторые из собранных примеров

говорят о том, что более существенным фактором может быть потенциальная неоднозначность идентификации подлежащего и прямого дополнения. Влияние этого фактора на маркирование прямого дополнения в бартангском языке предстоит изучить в рамках отдельного исследования.

Ключевые слова: иранские языки; памирские языки; бартангский язык; дифференцированное маркирование объекта; одушевленность

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 24-18-00199 «Структура клаузы и позиционные феномены в языках SOV».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-6

Для цитирования: Беляев О.И. Одушевленность и маркирование прямого дополнения в бартангском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 71–89.

ANIMACY AND DIRECT OBJECT MARKING IN BARTANGI

Oleg I. Belyaev

*Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia;
belyaev@ossetic-studies.org*

Abstract: Bartangi is one of the few Shughni-Roshani languages (Pamir area, Eastern Iranian > Indo-European) where differential object marking (DOM) with the preposition *az* is widely attested. It is mainly used with a structurally restricted class of noun phrases: proper names, pronouns, NPs with demonstratives. It is also used with nouns that are formally unmarked and not proper nouns *per se*, yet possess local uniqueness within the text (e.g., fairy tale protagonists). However, not all uses of *az* can be explained in this way. Objects not having the features listed above may still be marked by *az* if they are animate, and the degree of acceptability is higher for humans than for animals. However, in spite of such marking being acceptable, it is very rare both in natural texts and during translation from Russian, English and Tajik. Therefore, it has to be established which additional factor determines the possibility of using *az* in such cases. In this paper I test the hypothesis that direct object marking is influenced by the relative position of the core argument — subject and direct object — in the animacy hierarchy. Since producing a full-fledged experimental study for such a minority language as Bartangi is currently impossible, I have conducted an informal survey of five native speakers where they were offered to translate sentences including all combinations of animacy values (humans / animals / inanimates) for the subject and direct object. The hypothesis was confirmed only partially: inanimate objects are marked significantly less frequently than animate ones; clauses where the animacy of the subject is less than or equal to the animacy of the object use *az* significantly less frequently than clauses with the opposite configuration. However, if clauses with inanimate objects are not taken into consideration (since their lack of marking is explained by the simpler hypothesis), the effect of relative animacy turns out to be statistically weak. At the same time,

some of the data that have been collected point towards ambiguity resolution as a more relevant factor. The influence of this factor on direct object marking in Bartangi is to be investigated within a separate study.

Keywords: Iranian languages; Pamir languages; Bartangi; differential object marking; animacy

Funding: This research has been supported by the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00199 “Clause structure and positional phenomena in SOV languages”.

For citation: Belyaev O.I. (2026) Animacy and Direct Object Marking in Bartangi. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 71–89.

1. Введение

Бартангский — один из языков шугнано-рушанской группы (восточноиранские > индоевропейские), входящей в памирский языковой ареал [Edelman, Dodykhudoeva 2009]. На бартангском языке говорят в нескольких селениях на территории Горно-Бадахшанской АО (ГБАО) Республики Таджикистан, в нижней части долины р. Бартанг. Как и другие памирские языки, бартангский не имеет в Таджикистане официального статуса. Из-за отсутствия данных о владении языками в переписях точное число носителей бартангского неизвестно; его можно приблизительно оценить в несколько тысяч человек, с выраженной тенденцией к снижению числа носителей по причине массового отъезда из районов компактного проживания.

Как и другие памирские языки, бартангский характеризуется базовым порядком слов SOV, левым ветвлением в именной группе, совместным использованием предлогов и послелогов и сравнительно бедной системой словоизменительных категорий. Глаголы различают три времени — настояще-будущее, прошедшее и перфект — посредством использования различных основ, преимущественно нерегулярных, и согласуются с подлежащим при помощи личностных суффиксов в настоящем времени и клитик второй позиции в прошедшем. Личные и указательные местоимения различают прямой и косвенный падежи, тогда как все остальные имена не демонстрируют падежных оппозиций; выражение множественного числа на существительных также является факультативным. Существительные в бартангском обладают признаком мужского или женского рода. По роду изменяются указательные местоимения, а также некоторые непереходные глаголы и небольшое число прилагательных. Как и в других памирских языках, в бартангском на-

блюдается тенденция к переосмыслению категории рода в терминах единичного/общего [Эдельман 1990: 176]¹.

В бартангском языке, как и в рошорвском и сарыкольском, большое развитие получило оформление прямых дополнений при помощи предлога *аз*, исторически аблативного [Эдельман 1990: 243]. В подавляющем большинстве случаев этот показатель используется — и строго обязателен — с формально ограниченным классом именных групп: с местоимениями, именными группами, содержащими демонстратив [Соколова 1960: 7], именами собственными, а также с приравненными к последним именами, обозначающими локально уникальных индивидов или протагонистов.

Однако использование *аз* изредка встречается и вне этого класса объектов. Целью настоящей работы является проверка того, какое влияние на маркирование объекта в бартангском оказывает фактор одушевленности. На материале опроса носителей удалось установить, что одушевленные объекты — люди и животные — маркируются существенно чаще, чем неодушевленные. Кроме того, была предпринята попытка оценить влияние на маркирование объекта относительной позиции актантов на иерархии одушевленности [Silverstein 1976]. Статистическая оценка выявила слабую степень значимости данного фактора, при этом более существенным оказывается использование *аз* для снятия неоднозначности при идентификации подлежащего и прямого дополнения, см. [Comrie 1989: 129–130]. Более точная характеристика этого фактора требует дальнейшего полевого исследования.

Материал бартангского языка собран в ходе экспедиций 2023–2025 гг. в с. Басид Рушанского района ГБАО, Таджикистан. Я благодарен всем носителям языка, предоставившим переводы и грамматические суждения. Все ошибки — на моей совести.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 описываются базовые правила маркирования прямого дополнения в бартангском языке. В разделе 3 дается обзор тех случаев, в которых дополнение маркируется *аз* несмотря на отсутствие формальных условий для его оформления, на материале опубликованных текстов и суждений носителей. В разделе 4 представлены результаты более систематического опроса носителей для контекстов различных типов. В раз-

¹ «...в языках шугнано-рушанской группы... категория единичного/общего выявляется в “перебоях” категории рода: здесь существительные, обозначающие животных (без указания на пол) и неодуш. предметы, употребляясь в значении общего, категориального, т. е. класса данных предметов, относятся обычно к м. р., независимо от их рода в значении конкретного, единичного предмета» [Эдельман 1990: 176].

деле 5 подводятся итоги исследования и рассматриваются дальнейшие перспективы.

2. Основные факторы маркирования прямого дополнения

Использование *аз* для маркирования прямого дополнения в бартангском языке в подавляющем большинстве случаев определяется структурными свойствами именной группы. Как указывала еще В.С. Соколова [1960: 7; 84], «в бартангском диалекте прямое дополнение, если оно выражено указательным или личным местоимением, а также существительным с указательным местоимением, оформляется посредством предлога *аз*». В подтверждение этого тезиса приводятся примеры (1)–(3); согласно суждениям носителей, опущение *аз* в этих примерах невозможно.

- (1) а. *аз* *тамāш* *wīn-ум*
 ОВJ вы видеть.PRS-1SG
 ‘вас вижу’ [Соколова 1960: 7]
- б. *аз* *ум* *wīn-ум*
 ОВJ D3.F.OBL видеть.PRS-1SG
 ‘её вижу’ [Там же]
- в. *аз* *ум* *китоб* *wīn-ум*
 ОВJ D3.F.OBL книга видеть.PRS-1SG
 ‘ту книгу вижу’ [Там же]

Следует отметить, что в бартангском, как и в других памирских языках, указательные местоимения грамматикализованы в качестве анафорических определенных артиклей, см. об этом [Эдельман 1990: 174]. Следовательно, такое маркирование, как (1в), характерно не только для дейктических контекстов, но и для всех случаев, когда референт был ранее упомянут.

Данные текстов и опроса носителей показали, что помимо трех типов именных групп, выделенных В.С. Соколовой, *аз* также обязателен с именами собственными, обозначающими людей (2), и факультативен с именами собственными, обозначающими животных (3). Имена собственные, обозначающие неодушевленные объекты (прежде всего топонимы), маркирования не получают (4).

- (2) *Пулод* *(*аз*) *Зарифā* *жōwч*
 П. ОВJ З. любить
 ‘Пулод любит Зарифу’.
- (3) *Āз=ум* (*аз*) *Чунак* *авӯг*.
 я.NOM=1SG ОВJ Ч. найти.PST
 ‘Я нашел Чунака (имя собаки)’.

- (4) Тамерлан (*аз) Эрон инчӯвд.
 Т. ОВJ И. братъ.PST
 ‘Тамерлан захватил Иран’.

Важным следствием из этого набора правил является тот факт, что *аз* в бартангском обязателен всегда, когда в ИГ в позиции прямого дополнения выражен падеж. Действительно, в бартангском, как и в других языках шугнано-рушанской группы, падежное маркирование сохраняется только на личных и указательных местоимениях (в последнем случае — как в приименной позиции, так и в независимом употреблении). Как видно из (1), если прямое дополнение выражено таким местоимением или содержит его в качестве модификатора, использование *аз* обязательно, причем местоимение, как входящее в состав зависимого предлога, стоит в форме косвенного падежа. Местоимения в форме косвенного падежа без предлога, равно как и в форме прямого падежа, в позиции прямого дополнения не допускаются.

3. Маркирование прямого дополнения в отсутствие структурных факторов

В отсутствие перечисленных в предыдущем разделе свойств объекта *аз*, в общем случае, не используется. Как указывает В.С. Соколова [1960: 84], этот показатель «не употребляется при прямом дополнении, выражающем или неопределенный или собирательный (категориальный) объект... в остальных случаях (т.е. при определенной единичности предмета, но выраженной только контекстом) употребление [*аз*], по-видимому, факультативно». Судя по примерам, которые приводит В.С. Соколова, речь идет об именах, описывающих уникального индивида в контексте рассказа, т.е. относящихся к протагонистам и основным участникам повествования (5)–(6). В.С. Соколова приводит также пример (7) как контекст с факультативным *аз*, однако мои данные этого не подтверждают: в современном бартангском языке рефлексив воспринимается как местоимение и получает обязательное маркирование.

- (5) (аз) *ҳинзӯм* *вӣ* *мом* *зӯч*
 ОВJ колдунья ДЗ.М.ОВL бабушка убивать.PRF
 ‘его бабушка убила колдунью’ [Соколова 1960: 84]

- (6) (аз) *рӯиц* *нас* *дорӯ* *рамод*
 ОВJ лиса за лекарство посылать.PST
 ‘(лев) послал лисицу за лекарством’ [Там же].

- (7) *аз* *ху* *патавч* *ар* *ҳац*
 ОВJ REFL бросить.PRF LOC.DOWN вода
 ‘(он) бросился в воду’

Однако не все примеры, в которых прямое дополнение с вершиной — нарицательным существительным без местоименных модификаторов получает *аз*, можно объяснить таким образом. Так, примеры (8)–(14) представляют собой предложения из грамматики Н. Карамхудоева [1973], приведенные как изолированные фразы. В основном это пословицы (8)–(9) или генерические утверждения (10)–(11), (13), однако встречаются и эпизодические контексты (12) и (14). Во всех этих примерах — кроме (12), контекст которого неясен, — объект не является определенным, что опровергает обобщение В.С. Соколовой выше, согласно которому неопределенные или «категориальные» (в другой терминологии — родовые или генерические) объекты не оформляются *аз*.

- (8) *кӧл аз кӧл тӕна-де-д*
 лысый ОВJ лысый упрек-бить.PRS:3SG
 ‘Лысый лысого упрекает’ [Карамхудоев 1973: 286].
- (9) *кӕт-р=ат такӕ дод аз виӕчерн-ав инчевд*
 жадный-DAT=2SG кусок дать.PST ОВJ локоть-ЕХН хватать.PRS:3SG
 ‘Жадному подай кусок хлеба, он и руку оторвет’ [Карамхудоев 1973: 288].
- (10) *понд=и курцобилуқ вуд, мошӕн*
 дорога=SUBV неровный быть.PST.M машина
аз одам зент
 ОВJ человек убивать.PRS:3SG
 ‘Если дорога плохая, машина измучает человека’ [Карамхудоев 1973: 294].
- (11) *ӕм мӕш понд хӕл-ак вироз: мот ат*
 D1.NOM мы дорога много-DIM крутой усталый и
мофӕ аз одам кӕт
 усталый ОВJ человек делать.PRS:3SG
 ‘Эта наша дорога очень крута, устает человек’ (букв. «(дорога) утомляет человека») [Карамхудоев 1973: 300].
- (12) *палӕнг аз нахчӕр ар чевн пардивонт*
 леопард ОВJ козел LOC.DOWN овраг бросить.PST
ху тӕт ат пӕт суд
 SEQ разбитый идти.PST.M
 ‘Леопард бросил горного козла с обрыва, и тот разбился’ [Карамхудоев 1973: 304].
- (13) *гӕк дорг кӕвн-чег аз одам кӕн кӕт*
 сухой бревно половина-делать.INF ОВJ человек трудный делать.PRS:3SG
 ‘Сломать полусухое бревно человеку трудно’ (букв. «затрудняет человека») [Карамхудоев 1973: 312].

- (14) *нур-ав аз йи одам рамйй-ан ди,*
сейчас-ADV ОВJ один человек посылать.PRS-1PL LNK
лāk cārī йодд
JUS завтра прийти.PRS:3SG

‘Сегодня же пошлем одного человека, чтобы он завтра же вернулся’
[Карамхудоев 1973: 352].

Таким образом, в общем случае нельзя утверждать, что в бартангском прямые дополнения, не относящиеся к одному из типов, описанных в разделе 2, не могут оформляться предлогом *аз*. Однако такое маркирование возникает в текстах крайне редко, в связи с чем можно поставить вопрос о том, с чем связано появление показателя *аз* с неоформленными именами.

Прежде всего, следует отметить, что практически во всех примерах выше в позиции прямого объекта оказывается существительное, обозначающее человека. Исключениями являются (9) с неодушевленным объектом² и (12) с объектом-животным. Это позволяет предположить, что одушевленность, как минимум, является одним из значимых факторов маркирования прямого объекта.

Действительно, при элицитации все опрошенные мною носители были единодушны в том, что использование *аз* с неоформленным именем, обозначающим человека, в целом приемлемо (15а); использование его с животными маргинально допустимо (15б), тогда как использование его с неодушевленными не допускается (15в).

- (15) а. [?]*Пулод аз одам вйнт.*
П. ОВJ человек видеть.PST
‘Пулод увидел человека’.
- б. ^{??}*Пулод аз рупц вйнт.*
П. ОВJ лиса видеть.PST
‘Пулод увидел лису’.
- в. ^{*}*Пулод аз дарахт вйнт.*
П. ОВJ дерево видеть.PST
(‘Пулод увидел дерево’).

Однако самого по себе этого наблюдения недостаточно для того, чтобы сделать обобщение о правилах маркирования прямого дополнения при отсутствии формальных условий, перечисленных выше: использование *аз* в (15а–б) все равно является крайне редким и скорее исключением, чем правилом.

² Впрочем, как отмечает анонимный рецензент, здесь рука является частью тела человека; имена с такими значениями в языках мира нередко ведут себя схоже с именами, обозначающими людей.

Помимо одушевленности, на дифференцированное маркирование прямого дополнения обычно влияют такие факторы, как определенность, порядок слов и информационная структура [Dalrymple, Nikolaeva 2011]. В бартангском влияние каких-либо из этих факторов обнаружить не удалось. Так, показатели определенности в языках мира можно в целом разделить на связанные с уникальностью («слабые») и связанные с анафоричностью («сильные»), см. [Schwarz 2009; 2013; 2019]. В бартангском языке функцию «сильного» артикля выполняют указательные местоимения (как правило, дальнего плана); их использование обязательно при повторном упоминании референта, ср. описание К. Паркера для шугнанского [Parker 2023: 142], в целом верное и для бартангского. Как указывалось выше, с указательными местоимениями (вне зависимости от их функции) использование *аз* обязательно. Уникальные референты в бартангском не получают какого-либо специального маркирования и не демонстрируют какого-либо специального предпочтения к маркированию при помощи *аз* по сравнению с примерами в (15): по умолчанию они остаются немаркированными, а для неодушевленных предметов маркирование запрещается, как видно из (16).

- (16) а. $\dot{A}z=ум$ *тар* *хукумат* *вуд*, $(\dot{a}z)$
 я.NOM=1SG LOC.EQ правительство быть.PST.M OBJ
президент=ум *вйнт*.
 президент=1SG видеть.PRF
 ‘Я был в правительстве и видел президента’.
- б. *Па осмон (*аз) хёр на вйн-ум*
 LOC.UP небо OBJ солнце NEG видеть.PRS-1SG
 ‘На небе я не вижу солнца’.

Похожим образом, несмотря на то, что в бартангском достаточно свободный порядок слов, перестановка актантов не оказывает какого-либо влияния на маркирование объекта. Такие порядки слов, как SVO или даже OSV (если актанты остаются различимыми из контекста), не демонстрируют какого-либо предпочтения для использования *аз* с прямым дополнением:

- (17) а. *Пулод вйнт* $(\dot{a}z)$ *рупц*.
 П. видеть.PST OBJ лиса
 б. $(\dot{A}z)$ *рупц Пулод вйнт*.
 OBJ лиса П. видеть.PST
 ‘Пулод увидел лису’.

Топикальность, фокусность и контрастивность также не оказывают какого-либо заметного воздействия на маркирование, ср. (18) с контрастивным прямым дополнением:

- (18) Пулод (?? аз) **wurç** *wĩnt*, (?? аз) **rupc** *na*.
 П. ОВJ волк видеть.PST ОВJ лиса NEG
 ‘Пулод увидел не лису, а волка’.

Еще одним фактором, который может влиять на дифференцированное маркирование прямого дополнения, является его агентивность. Для осетинского, другого восточноиранского языка, демонстрирующего в целом похожее распределение объектного маркирования по одушевленности, в работах Н.В. Сердобольской и О.В. Тужик [в печати] было показано, что более агентивные (или, точнее, менее прототипически пациентивные) прямые дополнения с большей вероятностью получают объектное маркирование. Например, в предложении *Асад купил осла* объект скорее будет не маркирован, потому что осел выступает как предмет обмена, тогда как в предложении *Охотник поймал горного козла* маркирование объекта скорее должно появляться, поскольку здесь предполагается, что козел убегал от охотника. В бартангском в обоих типах контекстов использование *аз* менее предпочтительно, чем его отсутствие (19)–(20). Следовательно, влияние фактора агентивности для этого языка маловероятно.

- (19) *Асад* (?? аз) **маркӕб** *зоӕт*.
 А. ОВJ осел брать.PST
 ‘Асад купил осла’.
- (20) *Палашон* (?? аз) **нахчӕр** *инчӕвд*.
 охотник ОВJ козел брать.PST
 ‘Охотник поймал горного козла’.

В ходе опроса носителей, однако, выяснилось следующее обстоятельство: даже для тех носителей, которые не допускают использование *аз* с неодушевленными объектами, подобные предложения оказываются приемлемыми или даже выдаются в качестве первой реакции в контекстах, когда подлежащее также является неодушевленным:

- (21) *Жер* **аз** **мошин** *дод*.
 камень ОВJ машина бить.PST
 ‘Камень ударил машину’.

Такие примеры заставляют предположить, что определяющим фактором маркирования прямого дополнения в отсутствие структурных признаков (демонстратив, имя собственное и т. д.) является не одушевленность как таковая, но относительное положение двух ядерных актантов на иерархии одушевленности [Silverstein 1976].

4. Относительная одушевленность как фактор маркирования прямого дополнения

Поскольку бартангский является миноритарным и малоресурсным языком, проведение полномасштабного экспериментального исследования с систематическим опросом десятков носителей на данном этапе представляется невозможным. В ходе полевой работы летом 2025 г. мною был собран у пяти носителей набор из 60 контекстов, включающих все сочетания фактора «одушевленность» с тремя значениями — человек, животное, неодушевленный объект — у подлежащего и прямого дополнения, подобные (19)–(21), т. е. пары: HUM > HUM, HUM > ANIM, HUM > INAN, ANIM > HUM, ANIM > ANIM, ANIM > INAN, INAN > HUM, INAN > ANIM, INAN > INAN. Распределение контекстов по этим классам представлено в табл. 1. Разное количество контекстов в разных ячейках вызвано различным числом естественных примеров для этих сочетаний, а также стремлением включить как можно большее количество классов существительных в обеих позициях (различные типы животных, движущиеся и недвижимые предметы и т. д.).

Таблица 1

Распределение контекстов по одушевленности подлежащего и прямого дополнения

подлежащее	прямое дополнение		
	неодушевленное	животное	человек
неодушевленное	5	3	3
животное	8	8	8
человек	10	7	8

Контексты предлагались носителям на перевод, как правило, с русского; для одного носителя в качестве языка-посредника использовался английский, для другого — таджикский по причине лучшего знания ими этих языков. Существенного влияние на результаты, насколько можно судить, это не оказало.

Всего было собрано 273 контекста у пяти носителей; расхождение между общим количеством в 60 контекстов и меньшим числом реально собранных контекстов объясняется тем, что не все носители смогли перевести каждый контекст (прежде всего, по причине неестественности для них некоторых предложений).

Попытаемся сначала оценить влияние фактора одушевленности прямого дополнения без учета одушевленности подлежащего. В табл. 2 представлено распределение маркирования объекта при помощи *аз* по этому параметру.

Таблица 2

Связь одушевленности и маркирования прямого дополнения

	∅	аз	всего
человек	50 (46,30 %)	58 (53,70 %)	108
животное	60 (54,55 %)	50 (45,45 %)	110
неодушевлённое	49 (89,09 %)	6 (10,91 %)	55

Даже поверхностная оценка этих результатов показывает, что маркирование неодушевленных объектов встречается крайне редко. При этом интересно, что для прямых дополнений — людей маркирование встречается даже несколько чаще, чем его отсутствие. Фактор одушевленности оказывается статистически значимым ($\chi^2 = 28,476$; $p < 0,01$). Однако различие между людьми и животными статистической значимостью не обладает ($\chi^2 = 1,4835$; $p > 0,10$). Таким образом, подтверждается общее наблюдение, что носители предпочитают не маркировать неодушевленные прямые дополнения, но о маркировании одушевленных ничего с определенностью сказать нельзя: в представленных контекстах они маркируются с примерно равной вероятностью.

Теперь рассмотрим влияние относительного расположения актантов на иерархии одушевленности. Общая частотность результатов представлена в табл. 3. Нетрудно заметить, что пропорции для контекстов « $S > O$ » и « $S < O$ » достаточно близки, так что имеет смысл рассматривать различие между случаем, когда подлежащее выше прямого дополнения на иерархии одушевленности (канонический случай), и случаем, когда статус обоих актантов равен или же прямое дополнение выше подлежащего (маркированный случай). Различие между этими типами контекстов является статистически значимым ($\chi^2 = 12,3569$; $p < 0,01$).

Таблица 3

Относительная одушевленность подлежащего и дополнения

	∅	аз	всего
$S > O$	59 (74,68 %)	20 (25,32 %)	79
$S = O$	64 (50,79 %)	62 (49,21 %)	126
$S < O$	36 (52,94 %)	32 (47,06 %)	68

Можно было бы предположить, что такой результат вызван общим запретом на маркирование неодушевленных прямых объектов. Действительно, такие будут встречаться преимущественно в классе $S > O$; в классе $S = O$ они довольно редки (так как число контекстов

INAN > INAN весьма невелико), тогда как в классе S < O они по очевидным причинам отсутствуют. Это может дать увеличение пропорции неоформленных объектов в случае, когда подлежащее выше прямого дополнения.

Поэтому можно рассмотреть те же категории, но без учета неодушевленных прямых дополнений, что представлено в табл. 4.

Таблица 4

Относительная одушевленность подлежащего и дополнения без учета неодушевленных дополнений

	Ø	аз	всего
S > O	28 (60,87 %)	18 (39,13 %)	46
S = O	46 (44,23 %)	58 (55,77 %)	104
S < O	36 (52,94 %)	32 (47,06 %)	68

Такие результаты «на глаз» являются гораздо менее убедительными, и, действительно, различие между классами «S > O» и «S ≤ O» не является статистически значимым ($\chi^2 = 2,5279$; $p > 0,10$). Это, впрочем, не означает, что относительная позиция на иерархии одушевленности не играет никакой роли в выборе стратегии кодирования прямого дополнения, т. к. само по себе исключение неодушевленных объектов из данных в табл. 3 — достаточно искусственное решение. Тем не менее, нельзя исключить, что на значимость результатов в табл. 3 влияет размер выборки для различных позиций на иерархии и независимый фактор меньшей предпочтительности неодушевленных прямых дополнений.

Некоторые важные наблюдения можно сделать и рассмотрев каждую из типовых пар по отдельности, см. табл. 5. Как можно заметить, маркирование аз превышает отсутствие маркирования лишь в трех строках таблицы, и это ровно те строки, которые соответствуют вышеуказанному классу «S ≤ O», но только для одушевленных прямых дополнений (HUM > HUM, HUM > ANIM, ANIM > ANIM). Различие между этими тремя строками и остальными вариантами является статистически значимым ($\chi^2 = 21,2734$; $p < 0,001$).

Все это может указывать на то, что оформление одушевленных и неодушевленных прямых объектов подчиняется различным правилам. Неодушевленные прямые дополнения в подавляющем большинстве случаев не маркируются, и это оказывается важнее любых относительных иерархических эффектов. Для одушевленных же объектов значимым фактором оказывается относительная одушевленность подлежащего, но только в случае конкуренции между двумя одушевленными актантами.

**Частотность маркирования для всех сочетаний подлежащих
и прямых дополнений по одушевленности**

	Ø	аз	всего
HUM > HUM	25 (43,86 %)	32 (56,14 %)	57
HUM > ANIM	28 (60,87 %)	18 (39,13 %)	46
HUM > INAN	15 (93,75 %)	1 (6,25 %)	16
ANIM > HUM	15 (45,45 %)	18 (54,55 %)	33
ANIM > ANIM	21 (44,68 %)	26 (55,32 %)	47
ANIM > INAN	16 (94,12 %)	1 (5,88 %)	17
INAN > HUM	10 (55,56 %)	8 (44,44 %)	18
INAN > ANIM	11 (64,71 %)	6 (35,29 %)	17
INAN > INAN	18 (81,82 %)	4 (18,18 %)	22

Представляется, что такое распределение можно объяснить, если исходить из того, что дифференцированное маркирование прямого дополнения служит **снятию неоднозначности** того, кто в данном предложении является прямым дополнением. Такое объяснение часто предполагается для систем дифференцированного маркирования актантов [Comrie 1989: 129–130]. В частности, классическим случаем опционального маркирования агенса переходного глагола является язык хуа (ягария < трансновогвинейские), в котором эргатив используется только при неоднозначности идентификации актантов [Haiman 1980: 360]. Обращение к этой идее может позволить объяснить, почему в табл. 5 маркирование одушевленных объектов в контекстах с неодушевленным подлежащим оказывается ниже, чем в контекстах с одушевленным подлежащим. Дело в том, что, хотя контексты с неодушевленными подлежащими переходных глаголов безусловно являются непрототипическими, нельзя сказать, чтобы в таких контекстах возникала неоднозначность. Так, в контексте (22) ни один из пяти носителей не использовал предлог *аз*. Действительно, какая-либо неоднозначность здесь отсутствует: сложно предположить, чтобы козел поймал капкан.

- (22) *Капқан* (*аз) *ваз* *инчүвд.*
 капкан овҗ козёл брать.PST
 ‘Капкан поймал козла.’

При этом в контексте (23), напротив, все пять носителей использовали *аз*, и это можно объяснить именно тем, что вполне вероятной является и обратная ситуация: конь мог споткнуться о камень копытом. То же самое можно сказать и о примере (21) выше.

- (23) Жер аз ворч бед.
камень овj конь бить.рст
(Сегодня с горы упал большой камень.) ‘Камень ударил коня’.

Чаще же всего неоднозначность возникает, если оба ядерных актанта — люди или животные: в этом случае ситуация обычно является достаточно симметричной, так что каждого из участников можно потенциально идентифицировать как агенса. Именно в таких контекстах маркирование объекта при помощи *аз* преобладает над отсутствием маркирования в табл. 5.

Идея о дифференцированном маркировании объекта как инструменте снятия неоднозначности неоднократно подвергалась критике, начиная, как минимум, с работы [Fish 1967: 81] об испанском показателе *a*, где справедливо указывалось, что в реальном дискурсе идентифицировать подлежащее и прямое дополнение всегда позволяет контекст. Однако, во-первых, низкая частотность неоднозначных контекстов не означает, что они не могли послужить «триггером» для грамматикализации объектного маркирования. Известно, что грамматикализация часто происходит на основании специальных контекстов, открывающих пространство для семантического или синтаксического анализа — т. н. переходных (bridging contexts [Heine 2002]) или «триггерных» (trigger contexts [Diewald 2002]) контекстов. Р. Экарт [Eckardt 2011] даже использует специальный термин «опасные контексты» (precarious context), чтобы подчеркнуть, что такие контексты могут не только быть низкочастотными, но и находиться в некотором смысле «на грани» приемлемости. Во-вторых, в случае с примерами (21)–(23), возможно, следует говорить не столько о снятии неоднозначности, сколько о более конкретном семантическом требовании — *обратимости* ситуации: как указывалось выше, в (21) и (22) актанты потенциально могут находиться в обратном отношении, тогда как в (23) это исключено.

Таким образом, иерархия одушевленности, судя по всему, не оказывает в бартангском непосредственного влияния на маркирование прямого дополнения (за возможным исключением частично запрета на оформление неодушевленных объектов). Однако опрос носителей выявил другой возможный фактор: «обратимость» ситуации или неоднозначность идентификации подлежащего и прямого дополнения. Более подробное изучение влияния этого фактора на маркирование прямого дополнения требует дополнительного сбора полевых данных в ходе дальнейших экспедиций.

Выявленные закономерности также представляют интерес с ареально-генетической точки зрения. Как указывает Г. Боссонг, основным фактором, определяющим маркирование прямого дополнения

в новоиранских языках, является определенность [Bossong 1985: 128–129]. Однако более подробное рассмотрение данных отдельных восточноиранских языков показывает, что в них основным фактором оказывается одушевленность: это верно, в частности, для осетинского [Сердобольская, Тужик 2025] и ягнобского [Выдрин 2023] языков. Бартангский в этом смысле предстает языком смешанного типа: с одной стороны, основным фактором маркирования объекта является определенность (связанная с конкретными структурными типами ИГ); с другой стороны, одушевленность также играет роль, причем, что особенно существенно, фактор относительной позиции ядерных актантов на иерархии одушевленности, предполагаемый в настоящей статье для бартангского, отмечается также для осетинского [Тужик 2026]. Возможно, указанные сходства вызваны принадлежностью этих языков к восточноиранскому типу; для проверки этого утверждения требуется обращение к большему числу языков этой ареально-генетической группы.

5. Заключение

В работе рассматривается вопрос о факторах, определяющих маркирование прямого дополнения показателем *аз* в бартангском языке. В большинстве случаев оформление прямого дополнения подчиняется правилам, сформулированными еще В.С. Соколовой [1960]: оформляются местоимения, именные группы с модификатором-демонстративом и имена собственные. Однако как в опубликованных источниках, так и при элицитации встречаются примеры, в которых *аз* маркирует дополнения, не удовлетворяющие этим условиям. При этом, согласно опросу носителей, единственным фактором, который оказывает заметное действие на маркирование таких «неоформленных» объектов, является одушевленность: неодушевленные объекты не могут получать *аз*, тогда как приемлемость маркирования животных ниже, чем приемлемость маркирования людей. Кроме того, допустимость использования *аз* на первый взгляд зависит от относительной одушевленности подлежащего и прямого дополнения: «неканонические» конфигурации, в которых одушевленность дополнения выше или равна одушевленности пациенса, скорее допускают *аз*, чем конфигурации, в которых представлено каноническое соотношение более одушевленного подлежащего и менее одушевленного дополнения.

Поскольку изолированные суждения носителей дают довольно противоречивую картину, а провести полноценное экспериментальное исследование для такого миноритарного и малоресурсного языка, как бартангский, не представляется возможным, мною был предпринят опрос пяти носителей в полевых условиях, включавший

все возможные относительные конфигурации подлежащего и прямого дополнения. Это позволило подтвердить влияние одушевленности на маркирование объекта, однако лишь частично: статистически значимым оказалось лишь различие между одушевленными и неодушевленными дополнениями, тогда как люди и животные маркируются примерно с равной частотностью. Анализ относительной одушевленности также дал противоречивые результаты: в целом этот фактор обладает высокой значимостью, но, если исключить из рассмотрения неодушевленные дополнения (которые сами по себе маркируются очень редко), корреляция оказывается очень слабой, находясь на грани статистической значимости. Таким образом, наблюдаемые «иерархические» эффекты, по всей вероятности, являются внешними проявлениями иного, пока не выясненного фактора.

Некоторые из собранных в ходе исследования контекстов оказались своего рода «минимальными парами»: при одинаковом соотношении одушевленности двух актантов в одном случае все носители выбрали вариант с *аз*, в другом — без. По всей видимости, в таких контекстах использование *аз* определяется неоднозначностью идентификации подлежащего и прямого дополнения: *аз* используется тогда, когда интерпретация предложения с обратным соотношением участников возможна ('камень ударил коня' ~ 'конь ударил камень'); в противном случае ('капкан поймал волка' ~ #'волк поймал капкан') использование *аз* недопустимо. Проверка этого фактора требует дальнейшего исследования с опорой на новый полевой материал.

СПИСОК ГЛОСС

ADV — адвербиализатор; D1 — ближний дейктик; D3 — дальний дейктик; DAT — датив; DIM — диминутив; EXH — показатель тотальности ('весь'); F — женский род; JUS — юссив; LNK — соединительный показатель; LOC.DOWN — предлог, обозначающий местоположение ниже говорящего; LOC.UP — предлог, обозначающий местоположение выше говорящего; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OVJ — показатель прямого объекта; OVL — косвенный падеж; PL — множественное число; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SEQ — показатель темпоральной последовательности; SG — единственное число; SUBD — подчинительный союз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выдрин А.П. Дифференцированное падежное маркирование объекта в ягнобском языке // Язык как он есть: Сб. ст. к 60-летию Андрея Александровича Кибрика / Ред.-сост. Т.И. Давидюк, И.И. Исаев, Ю.В. Мазурова, С.Г. Татевосов, О.В. Федорова. М.: Буки Веди, 2023. С. 160–166.

2. *Карамхудоев Н.* Бартангский язык (фонетика и морфология). Душанбе, 1973.
3. *Сердобольская Н.В., Тужик О.В.* Агентивность прямого дополнения и дифференцированное объектное маркирование в иронском диалекте осетинского языка // Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 1, 2025. В печати.
4. *Соколова В.С.* Бартангские тексты и словарь. М., 1960.
5. *Тужик О.В.* Свойства субъекта и дифференцированное маркирование объекта в иронском диалекте современного осетинского языка // Индоиранские языки. Т. 2, вып. 2, 2026. В печати.
6. *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
7. *Bosson G.* Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1985.
8. *Comrie B.* Language universals and linguistic typology. Moscow, 1989.
9. *Dalrymple M., Nikolaeva I.* Objects and information structure. Cambridge, 2011.
10. *Diewald G.* A model for relevant types of contexts in grammaticalization // Wischer I., Diewald G. (eds.). Reflections on Grammaticalization. Amsterdam, 2002. P. 103–120.
11. *Eckardt R.* Semantic reanalysis and language change // Language and Linguistics Compass 5 (1), 2011. P. 33–46.
12. *Fish G. T.* “A” with Spanish Direct Object // Hispania. 1967. 50 (1). P. 80–85.
13. *Haiman J.* Hua: A Papuan Language of the Eastern Highlands of New Guinea. Amsterdam, 1980.
14. *Heine B.* On the role of context in grammaticalization // Wischer I., Diewald G. New Reflections on Grammaticalization. Amsterdam, 2002. P. 83–101.
15. *Parker C.* A grammar of the Shughni language. Doctoral dissertation, McGill University, 2023.
16. *Schwarz F.* Two types of definites in natural language. Doctoral dissertation, University of Massachusetts at Amherst, 2009.
17. *Schwarz F.* Two kinds of definites cross-linguistically // Language and Linguistics Compass 7 (10), 2013. P. 534–559.
18. *Schwarz F.* Weak vs. strong definite articles // Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado V. (eds.). Definiteness across languages. Berlin, 2019. P. 1–37.
19. *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity // Dixon R. M. W. (ed.). Grammatical categories in Australian languages. Canberra, 1976. P. 112–171.

REFERENCES

1. Vydrin A.P. “Differentsirovannoe padezhnoe markirovanie ob’ekta v iagnobskom iazyke” [“Differential Case Marking of Object in Yaghnobi Language”]. Iazyk kak on est’: Sb. st. k 60-letiiu Andreia Aleksandrovicha Kibrika, ed. T.I. Davidiuk, I.I. Isaev, Iu.V. Mazurova, S.G. Tatevosov, and O.V. Fedorova, Moscow, Buky Vedi Publ., 2023, pp. 160–166. (In Russ.)
2. Karamkhudoev N. Bartangskii iazyk (fonetika i morfologiya) [Bartangi Language (Phonetics and Morphology)]. Dushanbe, 1973. 312 p. (In Russ.)
3. Serdobol’skaia N.V., Tuzhik O.V. “Agentivnost’ priamogo dopolnenniia i differentsirovannoe ob’ektnoe markirovanie v ironskom dialekte osetinskogo iazyka” [“Agentivity of Direct Object and Differential Object Marking in Iron Dialect of Ossetic Language”]. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov, no. 1, 2025, in press. (In Russ.)
4. Sokolova V.S. Bartangskie teksty i slovar’ [Bartangi Texts and Dictionary]. Moscow, 1960. 248 p. (In Russ.)

5. Tuzhik O.V. “Svoistva sub’ekta i differentsirovannoe markirovanie ob’ekta v ironskom dialekte sovremennogo osetinskogo iazyka” [“Properties of Subject and Differential Object Marking in Iron Dialect of Modern Ossetic Language”]. *Indoiranskije iazyki*, vol. 2, no. 2, 2026, in press. (In Russ.)
6. Edel’shtein D.I. *Sravnitel’naia grammatika vostochnoiranskikh iazykov. Morfolo-giia. Elementy sintaksisa* [Comparative Grammar of East Iranian Languages. Mor-phology. Elements of Syntax]. Moscow, 1990. 328 p. (In Russ.)
7. Bossong G. *Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1985.
8. Comrie B. *Language universals and linguistic typology*. Moscow, 1989.
9. Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge, 2011.
10. Diewald G. A model for relevant types of contexts in grammaticalization // Wischer I., G. Diewald (eds.). *Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam, 2002. P. 103–120.
11. Eckardt R. Semantic reanalysis and language change // *Language and Linguistics Compass* 5 (1), 2011. P. 33–46.
12. Fish G. T. “A” with Spanish Direct Object // *Hispania* 50 (1), 1967. P. 80–85.
13. Haiman J. *Hua: A Papuan Language of the Eastern Highlands of New Guinea*. Am-sterdam, 1980.
14. Heine B. On the role of context in grammaticalization // Wischer I., Diewald G. *New Reflections on Grammaticalization*. Amsterdam, 2002. P. 83–101.
15. Parker C. *A grammar of the Shughni language*. Doctoral dissertation, McGill Uni-versity, 2023.
16. Schwarz F. *Two types of definites in natural language*. Doctoral dissertation, Uni-versity of Massachusetts at Amherst, 2009.
17. Schwarz F. Two kinds of definites cross-linguistically // *Language and Linguistics Compass* 7 (10), 2013. P. 534–559.
18. Schwarz F. Weak vs. strong definite articles // Aguilar-Guevara A., Pozas Loyo J., Vázquez-Rojas Maldonado V. (eds.). *Definiteness across languages*. Berlin, 2019. P. 1–37.
19. Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity // Dixon R. M. W. (ed.). *Gram-matical categories in Australian languages*. Canberra, 1976. P. 112–171.

Поступила в редакцию 22.10.2025

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 20.03.2026

Received 22.10.2025

Accepted 18.02.2026

Revised 20.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Олег Игоревич Беляев — к.ф.н., доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник сектора иранских языков Института языкознания РАН; belyaev@ossetic-studies.org

ABOUT THE AUTHOR

Oleg I. Belyaev — PhD, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Senior Re-searcher, Department of Iranian Languages, Institute of Linguistics RAS; belyaev@ossetic-studies.org